

16+

Олег Курлов

Невыдуманнные истории

170 невыдуманных историй жизни
советского интеллигента

Олег Курлов

Невыдуманные истории

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Курлов О. Н.

Невыдуманные истории / О. Н. Курлов — «ЛитРес: Самиздат»,
2006

ISBN 978-5-532-98610-7

Перед вами сборник воспоминаний, состоящих из коротких интересных историй человека, прожившего насыщенную жизнь ученого, преподавателя, писателя, искусствоведа, шахматиста, рыбака, банщика, мужа и отца. Курлов Олег Николаевич родился в первый год Великой Отечественной войны. Всю свою жизнь он посвятил науке и преподаванию, подготовив многих кандидатов и докторов наук. Несмотря на технический уклон профессии, другими его большими увлечениями были искусство, музыка, шахматы, рыбалка и писательский труд. Сборник содержит около 170 коротких рассказов: встречи с интересными людьми, заметки из преподавательской жизни, забавные случаи и семейные истории.

ISBN 978-5-532-98610-7

© Курлов О. Н., 2006
© ЛитРес: Самиздат, 2006

Содержание

Приобщение к ...	5
Одесский театр оперы и балета	7
Вахтанговский театр	8
Московский театр оперетты	9
Театр драмы и комедии (на Таганке)	10
Театр “Современник”	11
Кремлевский дворец съездов	12
Театр сатиры	13
Зал Дома Ученых	14
“Пара гнедых”	15
Королева чечетки	16
Сорок второй	17
“Юность Коненкова”	18
Шедевры Лондонского королевского музея	19
Село Архангельское	20
Эрмитаж	21
Две певицы	22
Даная	23
Музей Пушкина	24
Ново-Девичье кладбище	25
Ваганькинское кладбище или тайны могилы Есенина	26
В мавзолее	28
На курсах повышения квалификации	29
Застойные годы	30
МВТУ	31
Ленинградские истории	33
Стриптиз	36
О телепатии	37
Мессинг	39
Проверка	40
Около научные истории	41
Вузовская жизнь	43
Юбилей	44
Справедливость восторжествовала	45
Единственная четверка	46
Ситуация...	47
Девяностые годы	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Олег Курлов

Невыдуманные истории

Приобщение к ... Большой театр

Первое мое “знакомство” с Большим театром состоялось в 1971 году. На второй день после приезда в Москву я, естественно, устремился к колоннам Большого театра и в десять утра занял очередь за билетами. По крайней мере, мне так показалось. Терпеливо стоял до часу дня. Некоторые сомнения, однако, стали закрадываться в мою душу. Очередь длиннющая – не одна сотня человек, но за три часа она ни чуть не продвинулась. Стал приглядываться к стоящим в очереди – в основном интеллигентные пожилые люди. У соседки поинтересовался – скоро ли? У меня хватило ума скрыть истинную причину моего стояния в очереди. “Вынос в два часа – ждать уже не долго”, Заметив на моем лице тень смущения, женщина добавила: “Москва прощается со знаменитым басом – Михайловым”. Кассы большого театра находились совсем в другом месте...

Спустя пять лет в следующий свой приезд в Москву, проходя мимо колонн Большого театра, обнаружил длинную очередь – Москва прощалась с Сергеем Лемешевым...

В конце 1978 года планировалась защита моей кандидатской диссертации в институте нефтехимии и газа им. Губкина. В это же время четырехмесячные курсы повышения квалификации. В общей сложности почти пять месяцев жил в Москве и времени зря не терял. Сразу же устроился охранником в институт оборонной промышленности, (сутки работаешь, трое отдыхаешь). Три охраняемых поста. Бригада охранников – шестеро – в основном бабушки-пенсионерки. Одна до этого работала охранником у Устинова – министра обороны. Очень хвалила его. Простой в обхождении, мол, всегда поздороваешь, поинтересуется здоровьем. Особенно неприятно стоять на первом посту – проверяешь документы у входящих сотрудников. У некоторых нескрываемая антипатия к молодому охраннику – этакая демонстрация превосходства. Зато с отрядом старушек отношения превосходные. Ночью я их всех отправлял отдыхать, а сам, разместившись на первом посту, готовил плакаты к защите диссертации. В этом институте работала группа художников, которые готовили плакаты к многочисленным выставкам в разных городах Союза. У них великолепные самодельные трафареты – такие нигде не купишь – и я их использовал с согласия художников в своей ночной работе. Как охранник, получал сто двадцать рублей плюс премиальные – на посещение театров и музеев хватало.

В самом начале этого периода как-то прогуливался около колонн Большого театра в надежде добыть билетик с рук. Неожиданно ко мне подошел высокий седовласый старик лет семидесяти, в костюме тройка, протянул руку для пожатия и предложил следовать за ним. Все это показалось мне несколько странным. Провел меня в нулевой этаж и подвел к кабинету. Читаю – главный администратор. Посадил меня в кресло и выписал служебный билет в ложи Бенуар, как помню, за 35 копеек. Сказал, что на этот билет я могу провести еще одного человека. Такое начало не могло меня не порадовать. Через три-четыре дня “и вновь я посетил”. На этот раз пожилой джелтмен предложил мне трехрублевый билет в партер. Естественно, я поделился своей удачей с однокурсниками в общежитии. Ребята не поверили: “Нам хотя бы раз попасть в Большой театр-музей, чтоб отчитаться перед своими женами по культурной программе”. Я имел наглость пообещать им, что проведу их в Большой. В назначенный день подошли к театру. Друзей предупредил, чтоб ничему не удивлялись и ни во что не вмешивались, а лишь наблюдали со стороны. Главный администратор, как всегда, подошел ко мне,

поздоровался, но ничего на этот раз не пообещал – мол, спектакль (балет) валютный, практически все билеты проданы иностранцам. Что-то, а русский классический балет те любят. Жаль, сказал я. Сегодня как раз привел своих друзей. Этого пояснения оказалось достаточным – он провел нас в свой кабинет и выписал два служебных билета. “Обалдеть!” – только и произнес один из моих друзей. После я еще приглашал их в театр, но злоупотреблять ситуацией они не стали. Я же в течении четырех месяцев регулярно посещал театр. За этот период мне удалось посмотреть большую часть репертуара Большого театра: оперы “Чио-чио-сан”, “Иван Сусанин”, “Борис Годунов”, “Травиата”, “Отелло”..., балеты “Лебединое озеро”, “Спящая красавица”, “Гусарская баллада”, включая знаменитого “Спартак” – всего около трех десятков спектаклей. После защиты кандидатской диссертации, срок моего пребывания в столице истек. Направился к колоннам Большого театра, чтобы поблагодарить и проститься с моим благодетелем. Он, как обычно, подошел ко мне. Я начал прощаться и благодарить его. С самого начала заметил некоторую нервозность в его поведении. И совсем неожиданно он попросил показать ему мой паспорт. Я тут же извлек из кармана свой “серпастый и молоткастый”. Он взял его в руки, надел очки и открыл ту страничку, где находилась прописка. Моя сибирская прописка (г. Курган) привела его в полнейшее замешательство. Разочарование его было столь велико, что он, не глядя на меня, переменившись в лице, сунул мне паспорт и, не попрощавшись, быстро ушел. Теперь был мой черед удивляться – ведь так было все хорошо... и такой финал. Я подошел к дежурным администраторам и коротко посвятил их в наши отношения с их непосредственным начальником. Рядовые администраторы хохотали до слез – мы за вашей “драмой” наблюдаем около четырех месяцев, но решили не вмешиваться – нам тоже нужны развлечения”. Они рассказали мне, что главный администратор все это время протезировал якобы сына своего одесского коллеги (то же главного администратора Одесского театра оперы и балета). Его сын, мол, как две капли воды похож на меня. Без очков наш главный очень плохо видит и мог легко обзнаться... Но в любом случае, я с благодарностью вспоминаю этого славного старикана, принявшего такое активное участие в моем приобщении к миру прекрасного.

В другое время посмотрел премьеру балета “Анна Каренина”, произведшего на меня двойственное чувство. С одной стороны в спектакле занята знаменитая балерина Майя Плисецкая. Успех, казалось бы, обеспечен. Но что-то не так. По сцене взад-вперед бегают Каренин, далеко не балетной походкой. Трагедия, драма через балетную форму... Не хватает эстетического восприятия. Смелый эксперимент, конечно, но классикой этому балету, на мой взгляд, стать не суждено. Не “Лебединое озеро”, увы... Опера на этот сюжет – другой разговор. Но тут, как говорится, на вкус и цвет...

Одесский театр оперы и балета

Будучи на научной конференции в Одессе, посетил и этот театр. С билетами проблем не было. Входя в театр, надеялся хоть одним глазом посмотреть на главного администратора – друга главного администратора Большого театра – такое желание понятно для тех, кто прочитал предыдущий рассказ. Однако к этому времени пожилой джелтмен уже не трудился. Не театр – музей. Даже был экскурсовод. Богатая история, традиции. По акустике театр входит в пятерку лучших в мире. Тихий звук, извлекаемый на струнном инструменте, слышен во всех уголках зала. Здание театра стоит на катакомбах и начало проваливаться. Пришлось в фундамент здания залить восемь миллионов литров жидкого стекла. Для сравнения в городе Ростове-на-Дону филармония находится в бывшем здании биржи. Здесь акустика на нуле. Требования к строительству биржи – два человека разговаривают, а в метре от них ничего не должно быть слышно. Сделка, разговор двоих должны быть тайной для их соседей. Когда здание приспособили под филармонию, в каждое сиденье встроили микрофон, что, конечно, не могло не отразиться на качестве звучания и восприятия музыки.

Вахтанговский театр

Еще пятью годами ранее я безуспешно пытался попасть на балет “Спартак” в Большой театр. Поведаю и эту историю. С последней электричкой (около часа ночи) мы с другом подъехали к кассам Большого театра и заняли очередь – перед нами лишь один парень, москвич. Билеты по брони начинали продавать с трех часов дня. Выстояв четырнадцать часов, мы не теряли надежды, но, увы – спектакль оказался валютным, ни одного билета по брони не оказалось. В очереди мы разговорились с москвичом – большим любителем театра – он годами не мог попасть на балет “Спартак” и вел списки на спектакль “Антоний и Клеопатра” в постановке Вахтанговского театра. По популярности этот спектакль не уступал “Спартаку”. Попасть на него можно было только года через два, предварительно записавшись и каждую субботу участвовать в перекличке, и если кто-то не отмечался два раза подряд, его вычеркивали из списка. Наш новый знакомый, видя в нас такое пристрастие к театрам, даже некий фанатизм, решил помочь нам с билетами на спектакль “Антоний и Клеопатра”. В ближайшую субботу мы должны участвовать в перекличке и отозваться на фамилию Алексеев, который уже две субботы не участвовал в перекличке, а у него заявлено четыре билета. Через две недели мы смотрели великолепный спектакль, великолепный ансамбль актеров. Вот некоторые имена Ульянов (играл Антония), Борисова (играла Клеопатру), Лановой (Цезаря), Яковлев, Этуш... и многие другие – в спектакле было занято шестнадцать народных и заслуженных артистов. Спектакль ошеломил. Москвич поведал нам о том, что он живет на одной площадке с Юрием Яковлевым и, будучи механиком, постоянно ремонтирует его легковушку. Сам же Яковлев абсолютно не знает, что находится внутри машины и только залихватски крутит баранку, а при малейшей поломке или неисправности совершенно бессилён. Юрий весьма рассеян, как бы ни от мира сего, и ни разу не предложил своему механику билеты на его спектакли. Да и вряд ли он предполагал, что его сосед по площадке, какой-то там механик, страстный поклонник театра. Яковлеву же о своих проблемах он никогда не говорил – считал не этичным. Мой новый знакомый с трудом добывает билеты на различные спектакли, а потом выменивает их на другие.

Часто в Москве бываешь наездами, и заранее взять билеты просто не удается. В Вахтанговском – “Ричард третий”, в главной роли Михаил Ульянов. У входа пытаюсь взять билет с рук. Такая же цель у двух молоденьких девушек. Подходит через дорогу интеллигентный мужчина, мои конкурентки бросились к нему – у Вас есть билетик. “Есть, да не про Вашу честь”. Я на него смотрю с надеждой, но не вопрошаю. Он неожиданно подходит ко мне и протягивает билет. Везет... После просмотра спектакля невольно на ум приходят имена других мировых злодеев – Нерона, Гитлера, Сталина. Увы, эти имена навсегда останутся в мировой истории, хоть и в ее негативных аналах.

Московский театр оперетты

Заранее никогда не брал билеты в этот театр. Мой знакомый москвич, которого я упоминал выше, поделился со мной опытом. В этом театре с улицы отдельные входы в партер, на балконы и ярусы. Подходишь к последним двум входам и забрасываешь наживку – держишь в руке рубль, чтоб его было видно только женщине-билетерше. Когда поблизости никого нет и, убедившись в полной твоей лояльности и осведомленности, билетерша произносит: “Ну, не томи душу, проходи”. Система отработанная – прохожу на балкон или ярус, там меня встречает дежурная, забирает рубль и устраивает на приставное сиденье – чем не рыночные отношения. Для нас приезжих это очень удобно. Я ранее отдавал предпочтение опере или балету, но оперетты меня просто очаровали: “Королева Чардаша”. “Граф Люксембург”, “Моя прекрасная леди”, “Летучая мышь”... Блестящие исполнители – Т. Шмыга, С. Варгузова, Ю. Веденеев...

На современный американский классический балет, который проходил в этом же театре, описанным способом попасть было невозможно. Благо время было – за два месяца в кассе взял билет стоимостью раза в два дороже обычного. В смешанной труппе Тейлора примерно поровну американок и негритянок, красота и грация артистов впечатляют. Школа Тейлора – последователи танцовщицы Айседоры Дункан, возлюбленной Сергея Есенина, – она, как известно, танцевала босиком. Эти оказались более продвинутыми, танцевали не только босиком, но и одежды на них я что-то не заметил. Во всяком случае, в зарисовке “Сотворение мира” она полностью отсутствовала или была абсолютно прозрачной, что естественно для зари человечества. Танцы сопровождаются небесной музыкой Баха. В других сценках воспеваются поведение человека в быту – вот женщина, наклонившись, имитирует стирку белья на стиральной доске, вот она принимает душ... Какие нервы надо иметь мужчинам, чтобы спокойно на все это смотреть. Но, видимо, таков замысел и был у постановщиков. У нас в то время подобные вещи были просто революционными. Кончилось первое отделение, рядом со мной появилась запыхавшаяся молоденькая девчушка, студентка, как выяснилось позже. С воодушевлением рассказала о том, что только что ей удалось около Малого театра с рук достать билет – отдала за него тридцать рублей – всю свою месячную стипендию – по тому времени деньги немалые. Но посмотреть “откровенные” сцены второго отделения в силу своей природной застенчивости, ей практически не удалось. Она постоянно отворачивалась от сцены. А на глазах ее блеснули слезы. И дело не только в тридцати “потерянных” рублях. Если бы она смотрела одна... Так в то время происходил обмен культур: американцы нам привозят современный классический балет, шокирующего по тому времени советского зрителя; в Америке в это же время гастролирует моисеевский ансамбль “Березка”. В последнее время шабаш ведьм в “Березке” смотрится так же весьма экстравагантно. С кем поведешься... Когда моя жена увидела программку американского спектакля с откровенными иллюстрациями, она мне выговорила – не слишком ли дорогое удовольствие посещать стриптиз. Она унесла эту и десятки других программок своим сотрудницам на работу, и они так понравились женщинам, что больше я их не видел.

Театр драмы и комедии (на Таганке)

В то время театр был весьма популярен, и попасть в него было не просто. Здесь, как известно, в это время работал Владимир Высоцкий. Труппа, возглавляемая Юрием Любимовым, режиссура были горазды на выдумку. До начала спектакля действие начиналось на Таганской площади. Загримированные артисты расхаживали по площади, создавая определенный настрой у будущих зрителей. У входа вместо билетерши стоял человек с ружьем и надевал на штык билеты входящих. Билетов как всегда нет, и мы с другом часа за три подошли к театру, скорее надеясь на чудо. Я предложил навестить главного администратора (с некоторых пор я стал к ним относиться даже с некоторой симпатией). Как помню это, была женщина. Я не стал у нее вымучивать билеты, а просто спросил, не найдется ли для нас какая-нибудь работенка. Ответила утвердительно – во дворе две машины с шестиметровыми досками (пятидесятка), их надо разгрузить и сложить в штабель. Мы с энтузиазмом взялись за выполнение этой работы. Был март, пригревало солнышко, но я, почему-то решил не снимать демисезонное пальто, хотя работать в нем было жарковато, да и перепачкал его изрядно – доски были свежими, смолянистыми. Моего друга “разжарило” – он работал в костюме. За полчаса до начала спектакля мы справились с поставленной задачей. Мой костюм был практически чист. Другу повезло меньше, мало того, что он его весь перепачкал, еще и разорвал по всем швам. Его срочно отвели в костюмерную и наспех залатали большие дыры. Посадили на приставные стулья. Шла премьера спектакля “А зори здесь тихие”. Спектакль произвел на нас достаточно сильное впечатление. После его окончания внезапно гаснет свет. Полумрак. Спускаемся, спотыкаясь, со второго этажа, где был зрительный зал, и испытываем огромную эмоциональную встряску – по обеим сторонам лестницы стоят пять гробов и у каждого по свечке. Мороз по коже. Нам до слез становится жаль пятерых погибших девушек. Так что действие спектакля начинается не только до, но и продолжается после его завершения. Окончательно подавленные, эмоционально опустошенные, молча, возвращаемся в холодное общежитие...

Театр “Современник”

Шел спектакль “Варшавская мелодия”. Я смотрел на сцену и мучился – впереди меня сидел огромный детина и своей широкой спиной загораживал сцену. Посетовал соседке – мол, ничего не видно, не повезло. Соседка мне сказала, чтоб я говорил тише – ведь впереди сидит сам Леонид Утесов. Он только-только оправился после болезни, и сразу же посетил свой любимый театр. Он всегда с удовольствием смотрел все спектакли “Современника”. В антракте я незаметно последовал за Утесовым – он был не один, с внучкой, лет шестнадцати. Вся раскрашенная. Глаза ее были закрыты длиннущими ресницами, и нет-нет она их устанавливала в горизонтальное положение, и на миг приоткрывались ее безразличные ко всему глаза. Мне она показалась далеко не симпатичной. Ее дед действительно выглядел не совсем здоровым.

Кремлевский дворец съездов

Как правило, здесь шли спектакли Большого театра и, конечно, сюда было проще попасть – вместимость зала около шести тысяч человек. Уж не помню, какой балет мы смотрели. Я был с другом, Петром из Пскова. Рядом с нами сидел зело, подвыпивший человек, как тут же выяснилось министр из Удмуртии. Разговорились – новый знакомый пригласил нас в шикарную гостиницу, где он остановился, мол, две бутылки коньяка о пяти звездочек нас ожидают. Но, увы, тому не суждено было сбыться. Министра в тепле окончательно развезло, и он потерял над собой контроль. Впереди сидели две немки, уже преклонного возраста, но сзади они казались стройненькими и нашему соседу по-пьяни они показались, видимо молоденькими и привлекательными – он их стал щипать и лапать, Те, “почему-то” не приняли его “ухаживания” и стали громко возмущаться – все это произошло еще до начала спектакля. Дежурная вызвала милиционера, и тот вывел министра из зала. Больше мы его не видели. Коньяка в этот вечер нам не удалось попробовать. Через некоторое время Петр на сиденье, где сидел министр, обнаружил морской бинокль двенадцатикратного увеличения. Петр не преминул взять этот трофей, и впоследствии, посещая театры, брал, его с собой. Однако без бинокля артисты выглядели куда привлекательнее – на лицах не видно ни грима, ни морщин. Театральные бинокли впоследствии устраивали нас больше...

Театр сатиры

Впервые на Аркадия Райкина я попал случайно. Тогда еще плохо ориентировался в Москве. После посещения Третьяковки, брел непонятно в каком направлении и когда перешел мост через Москву-реку, то меня начали атаковать прохожие, спрашивая, нет ли у меня лишнего билетика. Я еще пошутил – не в баню ли? Так дошел до театра сатиры, где через полчаса начинался концерт Райкина и его труппы. Оценил обстановку. Дама нервно поглядывает на часы – ждет, видимо, приятеля. Около нее кругами ходит полковник. Значит, билет у дамы есть. Вопрос лишь в том – кому он достанется из нас двоих, если не появится друг женщины. Полковник на минуту отошел в сторону – он отслеживал еще одну ситуацию, и я этим воспользовался. “Неужели, Вы, предпочтете генерала?”, – шутливо ее спросил. Женщина взглянула в мою сторону и заверила меня, что билет в случае чего будет мой. Оценила юмор. Спектакль мне понравился.

Позднее, будучи на курсах повышения квалификации в Ленинграде, я заранее покупал билет на “Венский балет на льду”. Кассирша продала, но с условием, что она в нагрузку продаст еще билет на Аркадия Райкина. Как в нагрузку? На Райкина? “Так кто ж пойдет на этого клоуна”, – парировала она. Мы, мол, ленинградцы его терпеть не можем, и вылила ушат грязи и сплетен на знаменитого артиста. Ничего себе обобщение! Я, конечно, этим был шокирован, хотя позже с такой оценкой встречался неоднократно. После Венского балета, с удовольствием, посмотрел и труппу Райкина. Артист бесподобно талантлив.

Зал Дома Ученых

На научной конференции нам дали пригласительные билеты на популярную лекцию о гармонии семейной жизни. Лектор смело поставил вопрос о психологии сексуальных отношений и их непреходящей ценности. Доктора и академики только почесывали затылок – где же, Вы, господа психологи, были раньше с вашей ценной информацией, мы, мол, жизнь прожили совсем не так, да и жить остается не так много. Эти вопросы замалчивались в Советском обществе и отсюда масса семейных драм, а то и трагедий. Вопрос аспирантка из Сомали нам показался необычным – “то, о чем Вы нам рассказали, мы проходили в колледже. Меня же интересует совсем другое – как сохранить как можно дольше половую потенцию. Сам этот вопрос поверг ученый люд в еще большее уныние. . .

Здесь же проходил концерт японской певицы Кирото Хирата (может чуть, искажаю ее имя), двадцати семи лет. Это та самая певица, которая заняла второе место, (первое за Марией Биешу), на приз “Мадам Баттерфляй” по опере Дж. Пучинни “Чио-чи-сан”. Певица очаровательна, окончила Токийскую и Московскую консерватории. Будь моя воля – она бы заняла первое место в том конкурсе. Первое отделение – классика. Исполняются арии из опер и, конечно же, коронная ария из оперы “Чио-чи-сан” – сцена прощания с сыном, которая, как известно, заканчивается “харакири” главной героини. Никто так не спел эту арию, как эта японская певица на этот японский сюжет. Певица в строгом черном платье – само олицетворение трагедии. В начале второго отделения зал взорвался восторженными аплодисментами при ее появлении после антракта. Певица вышла в модном современном платье с глубоким декольте. В певице все должно быть прекрасно, не только ее голос, – вспомнил классика. Во втором отделении исполнялись романсы, и, когда она вежливо кланялась, ее прелести обнажались, и зал переполнял восторг, что выливалось в продолжительные бурные аплодисменты. Глубокое декольте, да и настоящая женственность певицы играли не последнюю роль в эмоциональном поведении зала. С окончанием концерта действие, однако, не прекратилось. Когда я вышел на улицу, сотни восторженных поклонников, конечно же это были мужчины, удерживали певицу и ее импресарио в центре круга, препятствуя их продвижение к машине. Каждый хотел, как минимум, потрогать ее руками. Противостояние длилось около получаса. Наконец, толпа сжалась над певицей, разрешила ей пройти к машине. Вот тебе и ученый люд – ничто человеческое им не чуждо. . .

Однажды в зале Дома Ученых намечался концерт известного баса – Бориса Штокалова. К вечеру поехал туда в надежде приобрести билетик с рук. Желающие заняли весь близлежащий квартал. Жесткая конкуренция. Подходят машины и все кидаются к выходящим из них попытать счастья. Я облюбывал самую крайнюю машину и стремительно метнулся к ней. К первому выходящему задал вопрос – у Вас нет лишнего билетика на Штокалова? Смотрю, мужчина улыбнулся, вслед за ним вышел другой с виолончелью и тоже с улыбкой. Момент истины – спрашивал билетик у самого Штокалова на Штокалова. На этот раз мне все же удалось попасть на концерт. “Гори, гори, моя звезда!..”. Восхитительно. Голос отточенный, но было видно, что певец очень его бережет, не выкладывается, поет не громко. Года. . . “Гори, сияй, моя звезда!..”. Потрясающе – но это уже Анна Герман. До этой поистине талантливой певицы русские песни, русские романсы не поднимались на такую недостижимую духовную высоту.

‘Пара гнедых’

Концерт русского романса, по-моему, в зале кинотеатра “Варшава”. Поет Людмила Разина – инцидент произошел, когда эстрадная певица исполняла романс “Пара гнедых”. Последний путь когда-то известной актрисы на кладбище на паре гнедых. Последние годы жила в убогой нищете. Зрители соперживают и, вдруг, сзади меня раздался “оглушительный” характерный шелест разворачиваемой шоколадки. Доли секунды, и последовал глухой удар, мгновенно оборвавший это шуршанье. Оглянулся – мужчина с развернутой шоколадкой замер с вытянутыми руками, успокоил его сидящий сзади зритель ударом кулака по темечку. Певица кончила петь. Пристыженный и поверженный мужчина с шоколадкой в руках торопливо покинул зал и более уже не возвращался. Да он не за этим сюда и приходил. Такова непреходящая сила настоящего искусства...

Королева чечетки

Испанская танцовщица, гастролировавшая в столице, покорила своего зрителя потрясающим искусством танца чечетки. Родившаяся в богатой семье старинного испанского рода, пошла поперек воли своих аристократических родителей, увлеклась с детства зажигающим танцем чечетки и предпочла жизнь рядовой актрисы в малоизвестной кочующей труппе, зарабатывая себе на пропитание своим нелегким трудом. Поставила перед собой цель стать первой в мире в этом танце и добилась своего. На родине, да и во всем мире, ее называли не иначе, как королева чечетки. И только после того, как она получила титул “королевы”, была прощена и признана своей аристократической семьей.

Сорок второй

Как-то знакомился с шедеврами “Третьяковки”. Переходя из зала в зал, добрал до сорок второго. Три, единственные в зале, картины, посвященные Брежневу, написаны рукой армянского художника. Запомнил фамилию. На первой, во всю стену – море хлопающих рук. Внизу подписано – с докладом выступает Леонид Брежнев, самого на картине нет. На второй – Малая земля – матросы на руках выносят на берег из причалившей лодки своего “любимого” комиссара – полковника Брежнева. На третьем полотне – парадный портрет, сидящего в царском кресле, маршала Брежнева с жезлом в маршальском одеянии. На груди нет свободного места от наград. Стоявший рядом со мной пожилой мужчина сказал – все время воевал на Малой земле, но генсека там ни разу не видел и никто о нем тогда ничего не слышал. Через месяц вновь в “Третьяковке”. Сорок второй зал пуст. Скучающая дежурная балуется чайком. Подошел, спросил с легкой иронией – куда подевались “произведения” искусства. Старушка охотно ответила – поездом, малой скоростью отправили на БАМ, на выставку к рабочим. Убедившись в моей “благонадежности”, доверительно добавила (Брежнев тогда еще был жив) – чтоб эти картины там и остались, не видеть бы их больше никогда... Похоже, художник зарабатывал на своих “бессмертных творениях” с квадратного метра.

“Юность Коненкова”

В центре одного из залов “Третьяковки” скульптура обнаженной восемнадцатилетней девушки, списанной со второй жены Коненкова. Самому скульптору тогда исполнилось сорок девять. Дерево, как нельзя лучше отражает цветовую гамму человеческого тела. Стан, грация завораживают. Застрял в этом зале на полчаса, разглядывая со всех сторон этот шедевр. В этом же зале мраморный бюст первой жены Коненкова. Наблюдал за реакцией посетителей. Мимолетные, стыдливые, скользящие по скульптуре в центре, взгляды мужчин. Как будто кто-то их может, в чем не хорошем уличить. Разглядывают подолгу бюст первой жены, постоянно держа в поле зрения главный шедевр этого зала и, не задерживаясь, покидают зал. Сказывается девственное советское воспитание...

Шедевры Лондонского королевского музея

Выставка ста пятидесяти полотен. В столице ажиотаж. Картины, как на подбор эротически-обнаженного плана, вызвали огромный интерес у москвичей и гостей столицы. Наблюдаю за реакцией посетителей. Парочки (девушки с юношами) после просмотра двух полотен, уже далее ходят порознь, чтобы не смущать друг друга, неоднократно возвращаясь к просмотру полюбившейся картины. По тому времени англичане нам – поклонникам женской красоты – сделали воистину королевский подарок. Запретный плод, как известно...

Село Архангельское

Поместье князей Юсуповых. Часовенка с надгробной скульптурой рано усопшей дочери Юсуповых. Сейчас хранится на берегу, в саду, перед дворцом. Раньше она была установлена прямо над Москвой-рекой и пугала до смерти проплывающих на баржах, купцов, особенно ночью. Но мрамор около воды стал разрушаться, и скульптуру перенесли на берег. Во дворце много картин и скульптур. Хранители усадьбы утверждают, что две картины, хранящиеся во дворце, дороже самого дворца со всеми его ценностями – это “Антоний и Клеопатра” и “Пир Антония и Клеопатры”. Необычная жара. Спускаюсь к Москве-реке в надежде найти место для купания. Непонятно откуда взявшийся наряд милиции разъяснил мне, что в этом месте забор воды для нужд столицы и купание категорически запрещено. Как говорится не солоно хлебавши...

Эрмитаж

Будучи на курсах повышения квалификации, в общей сложности посетил музей шестнадцать раз. Среди посетителей – в основном приезжие. Бесконечные экскурсии. Около Венеры Таврической рассказывается история ее появления в коллекции Эрмитажа. Папа римский направил ее в подарок Екатерине Второй. На плотках переправили скульптуру в Лондон, затем морским путем в Питер. Установили в Летнем саду. “Высокоморальные” бояре не могли вынести такого “позора” – стоит обнаженная – закидывали помидорами, тухлыми яйцами. Всю ночь оттирали. На другой день все повторялось. К этому времени Потемкин построил дворец – Таврический. За военные заслуги в Крыму императрица пожаловала Потемкину титул светлейшего князя Таврического. Этому фавориту и передала на хранение Венеру. Позднее скульптура переселилась в Эрмитаж на постоянное место жительства.

Молодой парень-экскурсовод ведет группу школьников. Останавливается у картины Иванова “Явление Иисуса Христа Марии Магдалине”. Поясняет школьникам – картина не выдерживает критики с точки зрения техники мазков, мол, голый сюжет и ничего более. Переходит к другой картине – разлитое пятно краски. Вот, мол, где высочайшая техника мазков, делающая это произведение шедевром. Молодой знаток считал себя причастным к художественной богеме – не сам же он выдумал всю эту ахинею. Вступил с ним в полемику – зачем же ты пудришь мозга подрастающему поколению. Если тебе нравится наслаждаться этим пятном, то занимайся этим в одиночестве или в своем богемном кругу. Настоящим же шедевром является, конечно же, картина Иванова...

Две певицы

Киев. Научная конференция. Мест в гостинице нет, и нас расселили по квартирам. Хозяйка гостеприимная. С любовью рассказывает о Софии Ротару, пользующейся на Украине всеобщей народной любовью. И отвечает своим слушателям взаимностью. Хозяйка родом из той же самой деревни, где в то время проживала мать известной певицы. София, любящая дочь. В дни, когда она приезжала домой к матери, то непременно брала подойник и шла доить корову. И пела, пела для своих односельчан. Ленинград – концерт Софии Ротару. Зал боготворит певицу. Со сцены в зал – за ней неотрывно следует телохранитель. Что-то новое. Пытается как можно ближе оказаться перед каждым зрителем. Зал боготворит певицу. Несмолкаемые аплодисменты...

Мой коллега, вернувшись из Казахстана, рассказал. Побывал на концерте знаменитой примадонны. Первое отделение прошло вполне пристойно. Спето с десятков известных песен. Антракт. Певица уходит за кулисы. Микрофон оказался не отключенным, то ли намеренно, то ли нет. История об этом умалчивает. Перед началом второго отделения певица спрашивает у своего продюсера – что этим свиньям еще спеть. В зале, естественно все слышно. Когда певица вышла на сцену, публика встретила ее с негодованием и сорвала концерт. Вам только Валентину Толкунову слушать, – спасаясь бегством от летящих в нее помидор, выкрикивает она. Тут уж не до всенародной любви. Взаимная неприязнь...

Даная

Психически больной из Эстонии облил картину серной кислотой и порезал ее ножом. Залоговая стоимость этой картины, когда ее вывозили в Японию – двадцать миллионов долларов. На другой день после этих событий (о них пока ничего не знал) я посетил этот зал и был неприятно поражен пустой нишей на месте картины. Дежурный милиционер со следами ожогов на лице рассказал мне, что он практически мгновенно отреагировал на эту атаку, но все произошло в считанные секунды и, подбегая к этому женоненавистнику, он получил свою порцию серной кислоты в лицо, когда он выхватывал склянку из рук сумасшедшего. Как известно, из США срочно прилетел миллиардер Арманд Хаммер, узнав об этом акте вандализма, страстный поклонник изобразительного искусства, коллекционер, меценат. Он принял активное участие, в том числе и финансовое при организации реставрации знаменитой картины, которая растянулась на многие и многие годы.

Музей Пушкина

Музей расположен непосредственно в лицее. Село Царскосельское – город Пушкин. На неделе свободный от занятий день, иду в музей А.С. Пушкина. Залы практически пустые. Дежурные старушки скучают. Мое появление их оживило. Видя мою заинтересованность, стали мне рассказывать такие подробности, некоторые из них табу даже для экскурсоводов. Вот комната невест Александра Сергеевича Пушкина – портреты Гагариной, Лопухиной, Воронцовой и другие. Пушкин регулярно, каждые два-три месяца, сватался к одной из них. Все они светские дамы имели великолепное воспитание, музицировали, танцевали, пели, могли поддержать любую светскую беседу. Как претенденты на руку А.С., они были практически равноценными, и с любой из них А.С. мог быть счастлив. Существовал, таким образом, некий эталон светской красавицы. Сватовство, однако, заканчивалось отказом со стороны их родителей. Они не понаслышке знали об амурных похождениях “жениха”. Княгиня Гагарина сама ему отказала, хотя и любила его – цыганка ей наворожила, что через нее А.С. погибнет. У графа Воронцова были весьма веские основания преследовать А.С.Пушкина – ведь его дочь родила от поэта дитя. Показали донжуанский список А.С. – свыше ста фамилий – обычно показывают около 30. Под номером 113 – Анна Керн. Десять лет А.С. ее добивался, но она в качестве любовника предпочитала его друга студента Вульфа. Наконец А.С. посвящает ей романс – Я помню чудное мгновение... Анна читает послание Вульфу, лежа с ним в постели. Но слава Пушкина становится оглушительной, и не попасть в этот список, не отметиться она не могла. Анна, попав в этот список, попадает и в историю. Интересно, что композитор Глинка был влюблен в Екатерину Керн – дочь Анны Керн. Близость поэта и музыканта, как мы видим, имеет не только художественно-культурные корни. Десятки романсов, стихов Пушкина переложил Глинка на музыку. Подвели к последнему стенду – последние два года жизни поэта. Его рукой написаны мысли о самоубийстве. В этот период мало, что написано поэтом. Дантес – повод, а не причина трагедии А.С. Руками Дантеса А.С. совершает самоубийство – не более того. Духовная смерть приблизила и физическую. Эта версию разделяет и Михаил Зощенко. Поэт “исписался”. Не та ли участь постигла и Джек Лондона – не писать он не мог, а писать уже было нечего. И покончил с собой. Его литературный герой – Мартин Иден – не себя ли Джек Лондон изобразил в нем. Да и Сергея Есенина можно причислить к этому списку.

Ново-Девичье кладбище

Год 1974. В то время свободный вход на кладбище был уже закрыт. После известных надругательств над могилой Н.С. Хрущева. И не только из-за этого, видимо. Вход только по пропускам. Уговорить охранников, чтобы нас с другом пропустили, не удалось. Пришлось искать обходные варианты. Большая группа ветеранов великой отечественной войны во главе с генерал-лейтенантом готовилась пройти на кладбище. С молчаливого согласия ветеранов, они были в основном в штатском, пристроились к ним. Прошли. Мне показалось, что милиционер нас засек. Один известный скульптор надгробий вел своих гостей и подробно рассказывал истории создания той или иной надгробной композиции. Примкнули к этой группе. Прослушали потрясающие истории. Большинство попавших сюда, первым делом интересовались, где могила Н.С.Хрущева. Мы не стали исключением. Скульптор надгробия – Эрнст Неизвестный – памятник из мраморных плит, половина черных, половина белых, две симметрично расположенных половинки, символизирующих двойственность Никиты Хрущева, как политика, – его положительные и отрицательные стороны. Насколько мне известно, такая трактовка вполне устраивала сына Н.С. В то время, памятник В.М. Шукшину еще не был поставлен, на могилке стояла только бутылка с веткой красной калины. Собинов с распластавшимся лебедем, Давид Ойстрах “играющий” на скрипке. Роскошная мраморная плита на могиле матери Брежнева. Аллилуевы... Не кладбище – музей. При выходе задержаны нарядом милиции. Еле выкрутились.

Ваганькинское кладбище или тайны могилы Есенина

Проездом, с сыном, из Ленинграда через Москву. Поезд на Курган только вечером – весь субботний день свободен. Идем на Ваганькинское кладбище. Трактор “Беларусь” лопатой расчищает дорожки к могиле В. Высоцкого. Море цветов. Во второй раз навещаю могилу С.Есенина. Первый раз памятник на могиле деревянный, если не ошибаюсь. Второй, мраморный установили совсем недавно. Учли пожелание поэта, когда он грустил, что не будет больше молодым – здесь ему не более двадцати лет. И метрах в двух небольшая плиточка с надписью из письма Сергея Есенина Галине Бениславской – “что было бы, если бы не было тебя в моей жизни...”. Тогда не понял, где же могила у самой Галины – не под плиточкой же? У могилы Есенина несколько десятков человек. Каждую субботу поэты, поклонники Сергея Есенина читают на могиле стихи или что-нибудь рассказывают из его жизни. На этот раз слушаем поэта Владимирова, по-моему, того самого, кто описывал жизнь Рерихов в Гималаях. Много из того, о чем я поведаю – говорил он – будет еще долгое время тайной за семью печатями, так как живы еще ближайшие родственники Есенина, которые неадекватно могут отреагировать на свершившиеся исторические факты. Вот что поведал Владимирова. Галина Бениславская, окончив литературные курсы и покоренная лирическим талантом Сергея Есенина, предложила ему услуги в качестве литературного секретаря. И стала на многие годы ангелом-хранителем его поэтического таланта. Любила его безумно, но к ней он относился как к сестре. Галина Бениславская отдыхала, по протекции Крупской, в одном из подмосковных пансионатов и занималась своим любимым занятием – приводила в порядок поэтические записи своего кумира. Уборщица уже два дня знала о смерти Есенина, но боялась об этом сказать Галине. На третий день не выдержала – твой Сережка-то удавился. Бениславская в обмороке. Придя в себя, осознав случившееся, принимает решение, как и многие другие фанаты, но она не только фанат, покончить с собой. Но, прежде всего дело. До самоубийства еще девять месяцев. Решила привести в порядок литературное наследие Есенина. Ей ли не знать, кому и когда Сергей писал свои экспромты. Она или сразу эти записки изымала у того, кому вручал их Есенин, или отмечала – кому, а позднее переписывала содержимое этих записок. Галина Бениславская подготовила к изданию два тома стихов Сергея Есенина и передала их Фурманову. Вот теперь, завершив главное дело своей жизни, она приводит в исполнение приговор. Покупает старый наган и модные сигареты и вечером идет на могилу Есенина. В одиннадцать часов вечера кладбищенский сторож закрывает ворота кладбища. Галина восходит на могилу Есенина, в течение часа курит модные сигары, вспоминает свою жизнь и жизнь своего кумира. Она полностью принесла в жертву себя, отказавшись от личной жизни, ради Сергея. Как в свое время богоматерь смиряется с распятием своего сына Иисуса Христа во искупление грехов рода человеческого. Галина Сергею сама подыскивала образованнейших спутниц его жизни, пытаясь ее продлить. Но все было напрасно – все шло к неотвратимой развязке. Двенадцать часов – выстрел – первая осечка, наган-то заржавел. Еще час жизни, воспоминаний. Второй выстрел – осечка. Через час третий выстрел – осечка, еще через час – четвертый выстрел – снова осечка. И только в четыре утра пятым выстрелом она ранит себя смертельно. В семь часов утра молодой кладбищенский сторож, делая обход, обнаруживает на могиле Есенина тело молодой, красивой женщины, истекающей кровью, пульс еще прощупывается. Вызвал конку, но пока ее везли по мостовой в Лифортговскую больницу, Галина скончалась от большой потери крови. И захоронили ее гроб в гроб в могилу Есенина. Захоронили в тайне, чтоб никто не узнал, особенно родственники. В самом деле, кто она ему – ни жена, ни любовница даже. Позднее мать Есенина завещала похоронить ее рядом с любимым сыночком – Сереженькой. В 1956 году, когда члены комиссии вскрыли могилу Есенина, а рядом-то места просто не было, то обнаружили два гроба и приняли решения поставить на них еще и гроб матери Есенина.

Все это было сделано без огласки. Две женщины, играющие в жизни С. Есенина, самые выдающиеся роли, всегда рядом с ним, оберегая даже в царстве Аида его покой. Одна дала ему физическую жизнь, другая сохранила для потомков его гениальную лирику, его духовность. Летом 2003 года я снова на могиле Есенина. Мраморный памятник постарел, разъеден коррозией. Принято решение – установить новую копию, а старую отправить на родину Есенина – в село Константиново. Разговорился с двумя поклонниками С.Есенина – старик со старухой лет семидесяти, которые “прописались” на его могиле – вид у них был далеко не цивилизный. Решил проверить услышанное ранее. Старик подтвердил справедливость сказанного поэтом Владимировым. Он и его спутница в 1956 году присутствовали при вскрытии могилы и захоронении матери С.Есенина.

В мавзолее

И какой же русский не мечтал попасть в мавзолей Ленина. Да и не только русский. Очередь длиною с километр начинается в Александрийском саду. Приезжие, попавшие в Москву впервые, несут сумки, фотоаппараты. Незадолго до входа узнают, что надо вещи сдать в камеру хранения. И тут к их услугам, как из-под земли, появляются вертлявые подростки с предложением своих услуг – мы, мол, мигом Ваши вещи сдадим на хранение за небольшую плату. Кто доверится, тот, как правило, лишается своих вещей. Впереди меня пожилой грузин. До входа остается метров двадцать. Два охранника подходят к нему и тщательно ощупывают. У того, аж, слезы на глазах выступили от возмущения. Но из очереди не выводят. Слышу сзади комментарий. Незадолго до этого какой-то грузин пронес в мавзолее гранату, и чуть было не взорвал ее внутри. Он хотел отомстить за то, что Сталина с легкой руки Никиты Сергеевича вынесли из мавзолея. Спускаемся по круговой лестнице – на каждом углу по два охранника. Стоят начеку. Готовые к разрешению любой неординарной ситуации.

На курсах повышения квалификации

В “застойные” годы с завидной регулярностью (раз в пять лет) преподавателей вузов отправляли на курсы повышения квалификации в ведущие вузы страны. Для нас провинциалов – это было поистине подарком судьбы. Ведь кроме профессиональных знаний, мы не в меньшей степени нуждались в потреблении общекультурных ценностей. Лично для меня – второе было не менее важным и значимым. Более высокий интеллект преподавателя, его культурного уровня – залог более качественного общения со студентами. Профессионализм и культурный потенциал – две стороны одной и той же медали. При подготовке кандидатской диссертации институтское начальство нас просто “вытаскивало” на различные республиканские, союзные семинары и конференции и не по одному разу в год. А то и просто, научный руководитель отправлял в Москву дней на десять – поработать с литературой в Ленинке. На командировки деньги всегда находились. Увы, в перестроечный и постперестроечный периоды такая практика была прекращена из-за резкого снижения финансирования вузов, о чем можно только сожалеть. Узкий профессионализм, духовно неразвитый преподаватель – наших студентов можно только пожалеть. Незабываемые впечатления тех лет до сих пор согревают мою душу и не только мою. В культурном плане приходится жить только воспоминаниями. Средства массовой информации, телевидение, в частности, увы, забито всем чем угодно и не решает проблемы культурной реабилитации в истинно гуманитарном плане. Суррогаты, так называемой массовой культуры, развращают неокрепшую психику, особенно представителей молодой аудитории. Работая куратором в студенческих группах, я уже давно сделал акцент не на политико-воспитательной работе, а на привитии культурных ценностей. Особенно это важно в технических вузах, где ощущается гуманитарный голод. Общечеловеческая культура, ее ценности это единственный фундамент, на котором воздвигаются, в том числе и профессиональные знания. Вместе с тем это придает социальную устойчивость и самодостаточность личности, спасая ее от повседневной рутины, делая жизнь более целеустремленной, интересной и значимой, культивируя человеческое в человеке.

Застойные годы

При Брежневе решили сделать столицу – витриной России – городом коммунистического труда. Для этого с пол-России везли сюда товары, продукты питания, в частности. Мой друг, Петр, сокурсник по ФПК из Пскова, рассказывал, что эшелоны с мясной продукцией, с колбасами отправлялись из его города в Москву. Вслед им пассажирские поезда с псковитянами двигались в этом же направлении – за своей же колбаской. Нам часто таким людям приходилось помогать. Бедная, с полным рюкзаком продуктов не может даже войти в автобус – рюкзак перевешивает – как тут не помочь. Деревенская баба в автобусе рассказала, что она из-под Пензы, где в родной деревне в плане продуктов питания хоть шаром покати. Колхоз – банкрот. На трудодни практически ничего не дают. И они по очереди ездили в Москву за продуктами, выбирая самые дешевые сорта колбасных изделий, и набирая сразу же на весь околоток. Очереди за продуктами страшные. Москвичи возмущались – нельзя ничего взять без очереди и некоторые, не все конечно, сердились на приезжих варяг. Обычная картина – деревенская женщина, увешанная, как гирляндами, рулонами туалетной бумагой, спешит на вокзал. На пол-улицы, небось, набрала...

МВТУ

Осенью 1978 года приехал на курсы повышения квалификации при МВТУ им. Баумана. Здесь преподавал сам Жуковский, учился академик Королев... Наши преподаватели с удовольствием расшифровали аббревиатуру МВТУ – “могила, вырытая трудами ученых” или “мы вас тут угробим”. Отношение к нам оказалось прямо противоположным. Заведующий кафедрой, профессор, курирующий наш поток, был в преклонных летах. Через неделю ему исполнялось семьдесят. Читая нам один раздел излагаемой дисциплины, он внезапно забывал, о чем говорил. Тяжело вздыхал. Произносил – ну, хорошо – и начинал излагать совсем другой раздел, через пять минут возвращаясь, однако, к первому. За время одной лекции, он перескакивал с одного материала на другой, по нескольку раз. Склероз... Но к нам он относился по-божески, и зачет мы у него получали, как говорится, не прикладывая рук. Но так как все мы когда-то были студентами, то и здесь решили подстраховаться. На юбилей сбросились и купили ему наручные часы за семьдесят рублей. При его чествовании представитель парткома МВТУ сказал примерно следующее – Дорогой, профессор! Вы находитесь сейчас в таком прекрасном возрасте, что Вас впору рекомендовать в члены политбюро. По тому времени это была очень опасная шутка. Но все смеялись от души. И нам стало понятно, что коллектив не лишен здравого смысла, имеет хороший запас прочности, дружен и может позволить себе и такое. Другой преподаватель, примерно тех же лет, с великолепной памятью – замечательный эрудит, автор собственных исследований, но излагает материал настолько нудно, монотонно, что нас смертельно клонило ко сну, и наши рты непроизвольно открывались в мучительной зевоте. Он это замечал и с юмором говорил, что его из-за этого уже к студентам дневного факультета не подпускают, так что, мол, Вам придется меня терпеть. Но с другой стороны, материал был настолько интересен и нужен, что мы вскоре преодолевали свою сонливость. И далее трудились как прилежные студенты. Ректор вуза профессор Николаев, холостяк, бесребреник в день полочки принимал в своем кабинете до двух десятков студентов и раздавал им половину своего заработка. К нему на прием записывались наиболее нуждающиеся студенты, как правило, приезжие.

Разместили нас в общежитии, недалеко от МГУ, в жилом доме, в трехкомнатной квартире. Профессор математики, автор известных учебников проходил повышение квалификации непосредственно в МГУ. Ему без нескольких месяцев полста. Чуть позже мы отмечали этот юбилей прямо в общежитии. Домой на юбилей он не поехал, хотя жил в двухстах километрах от столицы. Как старший из нас по возрасту и по званию, он взял инициативу в свои руки – с большой хозяйственной сумкой отправился в гастроном. Вскоре сдвинутые столы были заставлены различными “божественными” напитками и закусью. Дружеская попойка продолжалась далеко за полночь. Утром рассчитались, к вечеру, однако, все повторилось. На третий день подсчитали содержимое кошельков и прослезились – они стали воздушными. С этого дня мы разделились на три группы по три человека в каждой – любители зеленого змея, “донжуаны” и театралы. Первые два занятия были наиболее финансово затратными. Три Олега, включая и меня, узурпировали третью группу. Один из троих Олегов оказался евреем, но всем говорил, что он русский – был он белобрысый и нос без горбинки. Но как-то его навестил его родной брат с типично еврейской наружностью и наш Олег был изобличен. Мы от души посмеялись над этой ситуацией. Конечно же, для нас национальность не играла никакой роли. В самом деле, в то время евреи в Советском Союзе все же подвергались некоторой дискриминации. Многие из них меняли фамилии, имена на русские. Как нам рассказывали, в вышеупомянутом МВТУ им. Баумана среди преподавательского состава лиц этой национальности практически не было. Разве что именитые академики – а там их не один десяток человек.

Однажды профессор нас всех предупредил, что на пять вечера у него назначено оппонирование кандидатской диссертации и чтобы мы до семи вечера не появлялись в общежи-

тии, не мешали ему. У меня, как на притчу, пришел денежный перевод, а паспорт я забыл взять. Возвращаюсь в общежитие, звоню. Дверь долго не открывается. Наконец-то она распахиваются – в маленькой комнате, где жил профессор, двери, приоткрыты – на кровати лежит оппонлируемая, а профессор мне грозит кулаком – рука у него постоянно дергается в нервном тике, но это у него постоянно. Я извинился, схватил паспорт и побежал на почту. Оппонировал профессор кандидатские диссертации преимущественно у женщин. Ученый муж всю жизнь посвятил науке. Года уходят, и он здесь наверстывал упущенное. Питались по утрам в одной из столовых МГУ. И всегда в это время появлялась иностранная аспирантка божественной красоты, метиска. Ничего подобного в жизни я не видел. Она знала себе цену и как должное принимала восхищенные взгляды мужчин. Ее всегда сопровождал один и тот же роскошный, красивый юноша африканского происхождения. Ритуал восхищения, однако, вскоре был прерван внезапным отъездом африканской девушки на родину – внезапно умер ее отец – король небольшой страны черного континента и наша красавица, единственная наследница вступала в свои законные права. Посещать эту столовую нам стало не интересно. Клиентура столовой существенно поубавилась.

Ленинградские истории

В 1984 году на курсах ФПК в ЛСХИ, г. Пушкин. Первая встреча. Декан ФПК, финн по происхождению, объявил для нас двухнедельные каникулы, ориентируя нас на знакомство с достопримечательностями Северной Венеции. Он сам был страстным любителем культурного наследия северной столицы, с энтузиазмом демонстрировал нам свои любительские слайды. Такое начало пришлось нам всем по душе. Это был необходимый толчок для систематического изучения достопримечательностей Ленинграда. Чуть позже в Гостином дворе я приобрел первую для своей домашней коллекции репродукцию с картины Леонардо да Винчи “Мадонна Литта”. Как помню за десять рублей пятьдесят копеек. Показал коллегам в общежитии. Они не замедлили обнаружить дефект – вертикальную полосу на правой стороне картины, проходящую через окно, чем я был огорчен. Поехал в Гостиный двор с целью поменять картину. Продавцы, улыбаясь, разложили передо мной еще десять копий и на всех точно такая же полоса. Картина полтысячи лет, и в каких переделках она только не была – экстремальные условия хранения. Полоса – свидетельство тому.

Профессор по психологии поражал наше воображение шокирующими историями. Впервые от него услышали о комплексах Николая Гоголя и Михаила Зощенко. Начал с известного – Эдипова комплекса, когда по Фрейду, на подсознательном уровне, дочь ревнует отца к матери, сын наоборот. Мне подумалось – не в рамках ли этого комплекса находится проблема взаимоотношений золовок и снох. Мои сестры к моей жене всегда относятся с пристрастием.

Гоголь на протяжении всей жизни боялся трех вещей – женщин, постели и еды. У него, соответственно были проблемы с женщинами, и чаще он был одинок. Боялся спать на кровати, и чаще утром его обнаруживали под кроватью. Когда он был дома – это не проблема, в гостях он никогда не оставался ночевать. А если уж случалось, то утром его обнаруживали спящим на полу. Списывали на то, что он просто “перебрал”. Против такого объяснения Гоголь не возражал. То же, с едой. Когда он ел, то ему казалось, что он подавится. Дома он чувствовал себя увереннее – он хозяин, всех угощал, самому есть было не обязательно. В гостях – еда для него – мучение. Кто знает, наличие этого комплекса, возможно и определило или, по крайней мере, усугубило трагедию его последнего периода жизни, когда он собственноручно уничтожил свои последние творения. Комплекс Гоголя так и остался необъясненным при его жизни.

В какой-то степени комплекс Зощенко, который все же удалось объяснить, проливает свет и на разгадку комплекса Гоголя. Когда Зощенко исполнилось двадцать лет, он практически был больным человеком и был в плену у своего комплекса. Он, как и Гоголь, боялся женщин, постели, еды и, дополнительно, падал в обморок при виде внезапно протянутой руки. Родители, обеспокоенные состоянием сына, обратились к одному старичку – врачу-психиатру, который неплохо владел методом лечения подобных больных, используя медицинские идеи Зигмунда Фрейда. Используя специальные психические приемы, осуществлялся перевод из области подсознания в оперативную память пугающих человека событий, которые имели место в прошлом, но не были осмыслены на уровне оперативной памяти, которая в младенческом возрасте еще просто не сформирована. Врач стал внимательно отслеживать все события жизни Михаила, начиная с самого дня рождения. Пришлось опросить всех родственников, тетушек, нянюшек, прислугу. И вот что обнаружилось. Когда Мише было четыре месяца, он мирно сосал грудь, мать сидела на кровати. Вдруг распахивается окно, показывается рука и заполошный крик служанки – горим! Мать вздрогнула. Испуг передался малышу. Его прервали на самом прекрасном акте – потреблении вкусного материнского молочка. Взгляд его зафиксировал на бессознательном уровне все элементы будущего комплекса – мать – женщина, сидящая на кровати, прерванный акт питания и, наконец, протянутая рука. Все это, связав, на завтра врач пригласил Михаила и подробно разобрал и объяснил все его страшилки. И Зощенко тут

же стал абсолютно здоровым, с аппетитом ел, вскоре женился и, впоследствии, помогал своим знакомым и друзьям преодолеть их психологические комплексы. Выходит в каждом из нас, в сфере подсознания, могут сидеть пугающие нас страшилки. Не с этим ли связана смена нашего настроения, то, казалось бы, без причины на нас накатывает волны меланхолии или безудержного веселья. Воистину, познай самого себя и резко улучшишь свое самочувствие.

Как-то профессор психологии послал нас в Кунсткамеру, чтобы ознакомиться с музеем Ломоносова. Профессор поставил задачу – обнаружить нечто особенное в этой экспозиции. Поднимаюсь на третий этаж по винтовой лестнице. Через неделю психолог вернулся к этой теме. Особенным я посчитал то, что в семейном ансамбле семьи Ломоносовых Петр Первый занимает какое-то особое место. Множество его портретов. Шокирующее объяснение профессора. Петр Первый ни больше, ни меньше родной отец Михаила Ломоносова. Мол, не одна диссертация защищена, исследовавшая и доказавшая это. Аргументы следующие. Петр Первый два раза в 1710-1711 годах останавливался в Холмогорах, в семье Ломоносовых. В описываемое время отец Ломоносова был не дееспособен – это, мол, доказано – а мать Ломоносова была красивой, дородной женщиной и Петр Первый мог и не устоять перед ее прелестями. Вот, мол, откуда Михаил Ломоносов такой самородок – взыграли гены отца.

По Фрейду вся информация, полученная человеком за всю предшествующую жизнь (прочитанные книги, все знания) стопроцентно хранится в ячейках памяти на подсознательном уровне. И если студент не может ответить на тот или иной вопрос, когда он сдает экзамен или зачет, это не значит, что он не знает ответа. Просто не всегда человек сможет перевести информацию из сферы бессознательного в сферу оперативной памяти. Так сказать, считать с жесткого диска, как в компьютере, информацию. Обычно одновременно в оперативной памяти “прокручивается” два-три процента имеющейся информации. Внезапность того или иного открытия обуславливается тем, что человек в оперативной памяти пытается решить ту или иную проблему. Но информации не хватает, какого-то недостающего звена и, вдруг, “эврика” (Менделеев увидел концепцию своей таблицы во сне, когда кладовая подкорки оказалась расторможенной), и совершается открытие. Ньютону на голову упало яблоко – он сформулировал закон всемирного тяготения. Архимед, купаясь в ванной сформулировал свой закон и т.д. Интуиция – это подспудное знание подкорки, переведенное в область оперативной памяти. Чем больше прокручивается информации в оперативной памяти, чем быстрее информация поступает из-под корки, тем способнее человек. У гения легко растормаживаются кладовые памяти и большая емкость оперативной памяти. Начитанность, безусловно, способствует развитию памяти. Творчество можно рассматривать, как способность диалектического взаимодействия оперативной и “дисковой” – подкорковой памяти. Такие мысли навеял профессор, излагая теорию Фрейда. Со всеми этими представлениями мы знакомимся впервые и поглощаем их с жадностью.

На занятиях объявили – завтра в политехническом институте встреча с кандидатом в российские президенты Б.Ельциным. Импровизирует, дает оценки своим политическим противникам. “Как Вы относитесь к Гидаспову?” “Трудно сказать – высказывания не однозначные – я его еще изучаю. Девяносто девять процентов членов политбюро надо сменить. По Грузии – войска введены по личному распоряжению Горбачева – неужели Вы думаете, что министр Язов способен на самостоятельное решение – это не тот министр”. “Как Вы относитесь к Нине Андреевой?” “Так же, как она ко мне”. Часа через полтора из президиума ему напоминают, мол, через полчаса у Вас встреча с Гидасповым (первый секретарь Ленинградского обкома партии). “Гидаспов обождет”, – не оборачиваясь, произносит Ельцин. “Вы нас ставите в неудобное положение”. “Да подождет ваш Гидаспов”, – раздраженно бросает Ельцин. Через десять минут ситуация повторяется. В очередной раз: “Борис Николаевич, Вас ждет не Гидаспов, а рабочее завода “Металлист”. Борис Николаевич восторжен, словно молодой петушок – это, мол, другое дело, Гидаспов мог бы, и обождать, но вот испытывать терпенье рабочих не в моих пра-

вилах. Все встают. Под бурные овации кандидат в президенты покидает зал... Приехав домой, в родную Курганскую сельхозакадемию рассказываю обо всем этом своим сотрудникам, подспудно настраивая их проголосовать за Бориса Николаевича. Позднее меня упрекали в том, что я чуть ли не навязал им в российские президенты Ельцина. Не все нравилось россиянам в импульсивном правлении Бориса Николаевича.

Стриптиз

Будучи на ФПК, чего только не наслышишься. Мой коллега из Пскова поведал следующую историю. Поехал он как-то со своей сотрудницей в составе туристической группы в Югославию. Он женат и его сотрудница замужем. Друг другу они давно симпатизировали, и вот представилась возможность наставить рога своим половинкам. Вскоре после приезда в составе своей группы они направились в стриптиз-клуб. Мать с дочерью – участники стриптиза – имитировали любовную пару. И когда дочь поставила ногу на колени нашему руководителю группы – он от переизбытка чувств мало не свалился со стула. Представление потрясло неподготовленную психику советских экскурсантов. После окончания сеанса, любовники пошли в гостиницу. Дойдя до своих номеров, не сговариваясь, не глядя друг на друга, разошлись по своим комнатам. Стриптиз сыграл с ними злую шутку. На этот раз им удалось сохранить верность своим половинкам. Коллеги по работе заметили за ними некую странность, когда они вернулись из турне, – взглянув друг на друга, они начинали беспричинно хохотать.

О телепатии

Можно как угодно относиться к этому явлению. Выдвигать какие-то теории, разрабатывать системы доказательств. Меньше всего меня интересует теоретический аспект этой проблемы. Расскажу лишь о том, чему был сам свидетелем. В телепатическом общении всегда присутствует две стороны – передатчик (донор) и приемник (потребитель). В описываемых явлениях мне отводилась пассивная роль донора, информацию всегда принимал некто другой.

1-й эпизод

Семидесятые годы. Неурядицы в семейной жизни. Еду как-то в автобусе на переднем боковом сидении. Склонив голову, крепко задумался о своей запутанной жизни. Внезапно начинаю слышать голос извне, вступивший в полемику с моими мыслями. О чем бы ни подумал, тут же слышу комментарий вслух и ответ на свой непроизносимый вопрос. Словно очнувшись от задумчивости, приподнял голову и стал глазами искать “возмутителя спокойствия”. Напротив пожилая женщина с корзиной сухих грибов. Не она, да и голос слышался мужской. Соседка рядом тоже полудремлет. Наконец вижу напротив, наискосок, рядом с окном водителя, сидит мужчина лет пятидесяти, смотрит как бы сквозь меня. Глаза пронзительно голубые. Интуиция подсказывает – это он. “Да, это я”, – спокойно произнес мужчина вслух, но на меня даже не взглянул. Что за чертовщина – мысленно подумал. “Никакой здесь чертовщины нет”, – снова вслух ответил мой собеседник. Мне стало не по себе – матюгнул его про себя. “Зря ты материшься”, – ответил сосед. Соседи стали прислушиваться к нашему диалогу. Но игра шла в одни ворота. Говорил только он, как бы бесцветным, безличным голосом, ни к кому не обращаясь. Что бы я ни подумал про себя, тут же обнаружится ответ. Нервы мои не выдержали. В душе поселился какой-то страх непонятого происхождения. Не доехав до нужной остановки, сошел с автобуса. Еще раз посмотрел на своего оппонента. На этот раз наши взгляды встретились. Он доброжелательно улыбался. Позже корил себя, что не нашел в себе силы разговориться с ним, чтобы как-то прояснить – что же это было такое. В то время здравый смысл меня оставил. Ясно, что, используя свои феноменальные способности, мужчина откровенно надо мной подшучивал. Больше никогда его не встречал.

2-й эпизод

Спустя три года, после описанного выше случая – я уже работал преподавателем в машиностроительном институте – шел как-то из одного учебного корпуса в другой – подписаться на газеты и журналы. Ощущаю, за мной кто-то идет. Не обращаю внимания, не оглядываюсь – мало ли что. Решил сократить путь, пошел дворами, повернув направо. Вдруг слышу вопрос, – который час. Оглянувшись, вижу мужчину, как мне показалось цыганской наружности, весь чернявый, с черной бородой, в хорошем костюме, достаточно изысканной внешности. Как сейчас помню, ответил – без пятнадцати три. Мужчина продолжал идти своим путем, а я своим. Но так продолжалось всего лишь несколько секунд. Слышу за спиной прерывистое дыхание – оглянулся – этот же мужчина следует за мной метрах в двух. Совпадение – думаю. Затылок, однако, стал, почему-то холодеть. Решил проверить свою догадку – не спроста же он идет за мной. Замедлил шаг, а он и не думает меня обгонять. Тогда я пошел очень быстро, но идущий сзади не хотел отдаляться от избранной “жертвы” и шел на короткой дистанции за мной. Вот присосался – только и подумал. Впереди улица, по ней движется автобус. Ну, сейчас я от тебя оторвусь, пробежал впереди идущего автобуса. Оглянулся – преследователь готов пройти сквозь автобус, бегом догоняет меня, обегая автобус сзади. Снова догоняет меня и пристраивается сзади. Холод на затылке усиливается, по телу разливается слабость. Но вот и нужный корпус, поворачиваю за угол. Преследователь за мной. Захожу в корпус, он тоже. Поднимаюсь по лестнице на второй этаж – преследует, иду по коридору к учебной части – там пункт под-

писки на газеты. Мужчина, как тень – за мной. Захожу в кабинет, занимаю очередь. Преследование окончено. Два дня ходил, как разбитый.

Позже в Москве, разговорился с аспирантом, исследующим тайны человеческой психики. Это, мол, типичный случай энергетического вампиризма. Его вопрос, – который час – тест-проверка на совместимость наших энергетических полей, открытости, в частности, моего биополя. Его работа могла быть связана с тратой психической энергии, скажем, он использует в своей работе гипноз. И ему периодически нужна “подзарядка”, чтобы восстановить израсходованную психическую энергию. Гонорара я от него так и не дождался.

3-й эпизод

Сажу как-то в городском саду, задумавшись. Анализирую, пытаюсь найти выход из сложившихся жизненных затруднений. Внезапно слышу голос и ответ на разрешение одной из ситуаций. Смотрю – мимо идет медленной походкой старик с белой бородой, на меня не смотрит, но явно разговаривает со мной. Он продолжает, когда он сравнялся со мной, – здесь, мол, ты не беспокойся, ситуация будет разрешена в твою пользу. Когда он уже прошел, то дал и третий комментарий по мучившему меня вопросу. Я был совершенно успокоен. В дальнейшем все предсказания старика сбылись. Что это было?

Мессинг

С удивительными способностями Мессинга я познакомился на его представлении, когда он приезжал в Курган. Мой коллега по машиностроительному институту Глеб Волков, с которым я сидел рядом, вызвался поучаствовать в одном из проводимых экстрасенсом опытах. Мессинг на сцене, а Глеб должен выйти из зала и спрятать там меченный бумажный рубль и вернуться в зал на свое место. Выяснилось – Мессинг работает со своими подопечными, находясь в тесном контакте с ними. Он подошел к Глебу, взял за руку. Мессинг, реагирую на биомоторику подопытного, должен отыскать спрятанный в коридоре, рубль. Глеб встал, намереваясь выйти с Мессингом из зала, но последний его резко посадил на место, и рука Глеба непроизвольно потянулась к его собственному ботинку, сняв который, он достал из него рубль. Ввести в заблуждения Мессинга моему другу не удалось...

Проверка

Будучи студентами, мы с другом решили поставить прямой эксперимент по проверке существования телепатии. Сверили часы, разъехались в разные концы города, и сеанс начался. У каждого десять фигур, согласованных заранее. Вначале я в течении десяти минут – по минуте на каждую фигуру – “посылал” сигнал по той или иной фигуре, глядя на нее. Потом мы менялись ролями. Результаты таковы. Я не мог угадать ни одной фигуры. Мой же друг из десяти фигур отгадал три (тридцать процентов совпадений). Этот примитивный эксперимент подтвердил, что я лишь гожусь на роль донора. Вывод – тут что-то есть. Как зародились телепатические способности у человечества. Возможная версия заключается в следующем. У наших предков словесный аппарат не развит. Проблема с передачей информации, а практическая необходимость в этом есть. Скажем, охота на мамонта. Разведчик находит объект – десятки километров его разделяют от основного отряда, в котором должен быть человек, способный воспринять передаваемую информацию разведчиком. На эту роль людей тщательно отбирали, и они тренировались по какой-то особой методике. Слов нет, энергетически затратная технология передачи информации. По мере развития различных источников передачи информации менее энергоемких, надобность в телепатии снижается, но генетически могут появляться люди с такими уникальными способностями – для нас, простых смертных – это, безусловно, чудо.

Около научные истории

В 1969 году будучи аспирантом побывал на встрече с приехавшим в Курган академиком Харитоновым. Последний, как известно, совместно с академиком Я.Б.Зельдовичем впервые в 1939-41 годах осуществил расчет цепной реакции деления урана – последняя теоретическая работа, открывающая путь к практической разработке и созданию атомного оружия. В своем окружении его любовно звали Харитончиком. Одно высказывание академика запомнилось мне, да и не только мне, на всю жизнь. Любые идеи, витающие в головах ученых, или творческих личностей обречены на их практическую реализацию пусть в ненастоящее время, но непременно это обязательно произойдет в недалеком или отдаленном будущем. Обосновывал он это так. Все знания, попадающие в голову человеку, имеют под собой практическую основу. Теория – устоявшаяся практика. Комбинация известных фактов, знаний, происходящая в наших головах, дает новые знания, открытия, которые вновь обогащают практику. Любая сумасшедшая идея, возникшая в головах у нормальных людей, на его взгляд имеет право быть. Такой подход – бальзам для молодого ученого, уверенность в его начинаниях, вера в неотвратимость успеха. Мы тогда получили мощный нравственно-психологический толчок в своих научных изысканиях.

Со вступительным словом на одном всесоюзном научном семинаре, посвященном эффекту безызносности в технике, проходившем в Москве, выступает академик А.Ю. Ишлинский, куратор этого научного направления. Ему около шестидесяти. Начало речи обескураживает – “Дорогие доярки, я Вас поздравляю с высокими надоями...”. Договорить свое обращение к дояркам ему не дали. Председательствующий, из президиума – “А.Ю., Вы не из того кармана достали бумажку”. Академик, нимало не смутившись, достает бумажку из другого кармана и, уже обращаясь к нам, начинает свою речь – “Дорогие, участники научного семинара...”. Видимо, после нас академик был приглашен на слет доярок. Воистину, свадебный генерал. В это же время довелось послушать выступление академика П.А.Ребиндера Он старше А.Ю.Ишлинского на пятнадцать лет. Его выступление произвело сильное впечатление на нас, молодых ученых – моторный человек, динамичный оратор, зажигающая речь и... никаких бумажек.

Непримиримость отдельных направлений, школ приводила к неприязни и самим ученым, к их взаимному оскорблению. Однажды на Всесоюзном научном семинаре мы, его участники, оказались свидетелями такого рода эмоционального всплеска – выступает один профессор – автор научного открытия. Его соавтор тоже профессор, только более известный и признанный в научных кругах. С некоторого времени они разошлись во взглядах. И второй профессор стал подтормаживать внедрение научного открытия, выступая против первого профессора на всех семинарах и конференциях. А так как он был более именитым, то второму профессору постоянно доставалось на “орехи”. Итак, на трибуне первый профессор, в президиуме второй. Первый говорит буквально следующее: “Смена научных направлений и поколений в девятнадцатом веке совпадали. Вряд ли при жизни Д.И. Менделеева кто-нибудь рискнул бы поправить или опровергнуть главное его детище – периодическую таблицу химических элементов. На дворе двадцатый век, а что творится в нашей науке. Для того, чтобы дать дорогу внедрению научного открытия, неужели – жест в сторону президиума, где сидит второй профессор – надо ждать когда кто-то “прикроет” глаза”. Профессор в президиуме даже глазом не моргнул. Спокойно дослушал до конца... И только потом невозмутимо покинул семинар. Допек таки он первого профессора, бросившегося, как Александр Матросов, на амбразуру. Это впрочем, никоим образом не облегчило его будущую жизнь.

В своем институте я имел наглость заявить руководству института, что буду защищаться по авторским свидетельствам, мол, скоро я их получу не один десяток. В своей тетради запи-

сал двадцать семь патентно-способных, с моей точки зрения, идей. Пять из них, в виде заявок на предполагаемые изобретения, отправил в институт экспертизы. Дискуссия по ним шла два года. Наконец пригласили в Москву. Мой эксперт предложил следующий вариант – если от одной заявки откажусь, то по остальным получу авторские свидетельства. Но эта заявка для меня особенно была дорогой. Провинциальное упрямство – или все или ничего. Проходит полгода. Эксперт предложил объединить заявки – мою (от которой я должен быть отказаться) и еще одного претендента – идеи схожие, только я подал на месяц раньше. Пошел на компромисс. Объединили. И на объединенную заявку раза три приходили отрицательные ответы. И я сдался. Это был продуманный маневр со стороны экспертизы. Через полгода мой знакомый профессор признался – мы все же “сделали” моему сопернику авторское свидетельство. Вся заруба шла из-за большого экономического эффекта и, соответственно, хорошего вознаграждения. Позднее разговорился с одним изобретателем из Ленинграда. Решили проверить патентоспособность моих идей. Оформили заявку в соавторстве на одну идею – она оказалась патентоспособной, через месяц получили положительное решение. Мне рассказали о том, что эксперты нарочно заваливают идеи провинциалов, а потом с этими идеями идут в институты и защищают диссертации. Отработанная, что называется, система... Уместно вспомнить и другой случай. Сажу в Ленинке, занимаюсь. Напротив молодой человек, лет тридцати, ученого вида с бородой, как у Карла Маркса. Обложился диссертациями. Трудится. Разговорились. Я, мол, заказ выполняю – делаю на продажу кандидатскую диссертацию. Из двух-трех провинциальных диссертаций получится одна. Использую экспериментальный материал этих диссертаций, ставлю совершенно другие задачи, естественно, ссылаюсь на эти работы. Но выводы, обобщения делаю совершенно иные или в рамках новых сформулированных задач. Два-три месяца и диссертация готова. Он пояснил – провинциальные работы экспериментально значимы, но их авторы, как правило, не способны подняться над экспериментом и сделать адекватные, надлежащие выводы, т.е. подвести под эксперимент соответствующую теоретическую базу. Это было еще в далекие восьмидесятые годы...

Защита моей кандидатской диссертации проходила в институте нефтехимии и газа им. Губкина. После успешной защиты, ко мне подходят два профессора – один автор научного открытия, второй – мой первый оппонент. “Если не ошибаюсь, – говорит автор научного открытия, – Вы, думаете, что это я подтормаживал прохождение в печать вашей ключевой работы – классификации”. Он был прав – я так и думал. Именно эту классификацию мне пришлось отстаивать при защите диссертации. Три года не мог опубликовать этот материал – ответ черного оппонента был всегда уничтожающим. И только доложив материал на Ташкентской конференции, я смог опубликовать предложенную классификацию. В диалог вступает мой первый оппонент – “Олег Николаевич, это сделал я”. “Как? Не может быть!” “Время прошлое, но в свое время Вы, перекрыли клапаны моему аспиранту. Он занимался той же проблемой, что и Вы. Но всегда оказывалось так, что Вы, докладывая работу на очередной конференции, на полшага оказывались впереди моего подопечного. Пришлось ему дать другую тему. Естественно, мне тяжело было Вам простить это. Но теперь, я думаю, мы будем с Вами друзьями”. И протянул мне руку...

Вузовская жизнь Перетрусил

Доцент Чижов Яков Борисович, заведующий кафедрой одной из общеобразовательных дисциплин факультета механизации, не на шутку встревожился. А произошло вот что. В конце семестра он заболел и из другого вуза пригласили преподавателя на временную замену – сессия на носу, а по курсовой работе по этой дисциплине у студентов не получен зачет. Принимая курсовые работы, заезжая преподавательница выявила вопиющее нарушение в методике проведения курсовой работы доцентом Я.Б. В двух группах, у всех студентов задание было одно и тоже, один и тот же вариант. И пятьдесят курсовых работ близнецы-братья были отправлены в кафедральный архив – они по положению хранятся два года. Я.Б. подрабатывал в другом учебном заведении и свое свободное время он ценил на вес золота. До этого никто и не интересовался, как он проводил занятия. Он консультировал одного студента, а остальные стопроцентно у того “передирали”. Вот эта халтура и вскрылась. Когда доцент поправился, декан факультета вызвал его и сказал, чтобы к завтрашнему дню он предоставил все курсовые работы для проверки на элемент соответствия их регламентируемым нормам. Меня, как члена народного контроля, включили в эту комиссию. Назавтра в архиве и на кафедре не было обнаружено ни одной курсовой работы – они бесследно исчезли. Доцент Чижов только развел руками, мол, кто-то выкрал их и указывал то на одного, то на другого сотрудника кафедры, указал, наконец, на своего заведующего лабораторией. Впоследствии этого “крайнего” с подачи Я.Б. уволят, а ректор завлабу как раз в это время обещал дать квартиру. Для последнего это был, конечно, удар ниже пояса. Декану, однако, уже точно было известно, что это дело рук самого доцента Чижова. Как показал ночной сторож факультета в своей объяснительной записке участковому милиционеру, Я.Б. ночью подъехал на машине к запасному выходу – ключи он стащил еще с вахты днем, вынес с кафедры все листы и записки курсовых работ, погрузил в машину и вывез с территории факультета. Позже было установлено, что он их просто сжег в лесу, по пути в Курган. Очень уж он перепугался последствий этой проверки, что пошел на должностное преступление. В качестве меры наказания по материалам этого дела был подготовлен фельетон журналистом областной газеты Паникаровским, но позднее обком партии приказал этого доцента не трогать. Его жена работала в институте у академика Елизарова, и это спасло Я.Б. от полного краха. Этот журналист запаниковал, был он обычным номенклатурщиком и не мог занять принципиальную позицию. Против ветра, как говорится... Прошло уже более двадцати лет, а Я.Б. со мной так и не здороваются. Он по-прежнему заведует кафедрой. Угораздило же меня быть в той “злополучной” комиссии.

Юбилей

Чествовали руководителя вуза – юбиляра. Его коллега из другого университета, выступая, дает неожиданную для присутствующих характеристику юбиляру. “Вы, мой дорогой коллега, в совершенстве владеете тремя видами орудий: юмором, сатирой, сарказмом. Первый – юмор – используете, когда разговариваете с вышестоящим начальством – юморите, вплоть до заискивания. Второй вид (сатира) используете, когда беседуете с равными себе по занимаемой должности. Здесь, вы, выказываете даже некоторое преимущество перед своими собеседниками, пытаясь хоть немного, но принизить их. Третий вид – сарказм – применяете только при общении с подчиненными или стоящими на более низкой служебной ступени – уж его то самолюбия вы совершенно не щадите, вплоть до оскорбления и унижения вашего собеседника”. Рядовых сотрудников это поздравление, эта обнаженная откровенность просто шокировала. Даже если это шутивное поздравление – в каждой как говорится шутке есть доля истины. Но все это походило больше на правду. Поздравляющий имел более высокую ученую степень, был авторитетен в научной среде и мог себе позволить такую вольность. Юбиляр, однако, казался невозмутимым. Следующие выступления были вполне политкорректными.

Справедливость восторжествовала

В иных студенческих группах здоровый коллектив складывается как-то само собой. Для курируемой мною группы это была большая проблема. В группе учились несколько отпрысков первых лиц вуза, и коллектив распался на отдельные группировки. Такому положению вещей способствовали и ряд преподавателей, которые открыто, выделяли эту элитную часть. Ставили этим студентам за просто так отличные оценки, совершенно не интересуясь их знаниями. Наиболее преуспел верноподданническими чувствами преподаватель Васильков. Ошибкой, сгубившей его, пожалуй, стало то, что он без стеснения перед студентами оправдывал свой “дифференцированный” подход к студентам. Вот и на этот раз, принимая экзамены, он собрал зачетки у “избранных” студентов – проставил им пятерки. И это все открыто. Потом начал принимать экзамены у остальных по обычной методике. Дошла очередь до студентки, семейной, воспитывающей двух маленьких дочерей. Училась она на твердое “хорошо”, что позволяло получать, хоть небольшую, стипендию. Жизнь у семейной студентки складывалась не просто, ей тяжело было совмещать учебу и семью. Она была достаточно нервной и вспыльчивой, не скрывала своей баптисткой веры. Но и на этот раз она хорошо ответила на основные и дополнительные вопросы. Васильков, оценивая результат, сказал – конечно, ответ заслуживает хорошей оценки, но Вам-то, мол, она все равно ни к чему и ставит в зачетку “удовлетворительно”, оставляя ее без стипендии. Студентка возмутилась – “Вы, ведь только что незаслуженно поставили отличные оценки ряду студентов”. “Да, это так, но это же дети наших уважаемых руководителей вуза. Я не могу иначе – чем с начальством ругаться, лучше со свиньей целоваться”. Это было его любимое изречение. От такой несправедливости нервы студентки не выдержали – она бросила в лицо Василькову зачетку и выбежала из аудитории. Написала жалобу в партком. Назначили пересдачу в комиссии. Я, как куратор, тоже присутствовал. Ответ был между “хорошо” и “отлично”. Но исправлять в зачетке оценку студентка не стала. Дело не в оценке, мол, а в принципе.. Такой преподаватель с двойной моралью не может оставаться в вузе. И добила своего. Партком ее поддержал – секретарем была принципиальная женщина, у нее недавно погиб единственный сын в Афганистане – и ректорат дал санкцию на увольнение Василькова по соответствующей статье. Справедливость восторжествовала...

Единственная четверка

Сын ректора, парень неглупый, но был он избалован чрезмерным вниманием со стороны преподавателей. Многие из преподавателей сами за него выполняли контрольные и курсовые работы и ставили отличные оценки (самим себе). А сам папаша об этом и не догадывался – слыл он мужиком вполне справедливым. Защита курсового проекта по нашей кафедре проходила в комиссии. Заведующая кафедрой, зная мою принципиальность, перехватывает этого студента, беседует с ним и ставит оценку “хорошо”. Заранее идет на компромисс со мной. Сдающий вне себя от радости – он не знает, видимо, и на четверку. Чертежи в охапку и бежит их сдавать в архив. Я его заворачиваю и напоминаю, что защита-то, мол, в комиссии. Скрепя сердце, подошел ко мне, разложил чертежи. После первых же вопросов, убеждаюсь в отсутствии хороших знаний и ставлю оценку “удовлетворительно”. Итоговая оценка – “хорошо” – округлили, посоветовавшись, в пользу студента. Как выяснилось, это была единственная четверка за все годы обучения. Обиделся на меня студент крепко. Кочка, мол, на ровном месте. И перестал здороваться со мной. После окончания института он десять лет делал кандидатскую диссертацию. Отец сына совершенно не протезировал. Пустил его в вольное плавание. И только после защиты кандидатской диссертации наш герой стал со мной здороваться. Кто знает, может быть, он мне даже благодарен за ту единственную четверку в его зачетке...

Ситуация...

Профессор принимал экзамен по философии. Группа экономического факультета второго курса – одни девушки. Профессора и студентку разделяют два стола. Неожиданно профессор предлагает один стол убрать. Ничего не подозревавшая девушка помогает ему в этом. Садится и начинает отвечать. Руки профессора начинают жить самостоятельной жизнью. Под столом они дотягиваются до трусиков экзаменуемой. Девчушка мгновенно краснеет. Она не понимает, что происходит. Руки становятся все более активными. Целомудренность берет верх. Она вскакивает и, закрыв лицо руками, покидает аудиторию. Остальные студентки еще не успели осмыслить случившееся, но когда это произошло с очередной студенткой, группа доложила об этом секретарю парткома. Для того “чужачества” профессора не были тайной за семью печатями – что-то подобное он ожидал. Об этом знали все, кому это было положено знать. Представитель парткома восстановил статус-кво – второй стол вернулся на свое прежнее место. Для верности партийный товарищ еще с полчаса посидел... Как только ушел представитель парткома, профессор любезно предложил очередной экзаменуемой помочь убрать один “лишний” стол. Мол, между ними нет достаточно близкого контакта, а сдает она все-таки философию – здесь, мол, важны первоначальные ощущения. Стол убрали. Ситуация повторилась. Группа вконец взбунтовалась и отказалась сдавать экзамены. Профессор работал в этом институте на полставки. После описанных событий он вынужден был уйти из института. Об этом мне стало известно годы спустя. Но в то время я был в технической аспирантуре в другом институте и мой научный руководитель решил переехать в другой город – там они вместе с супругой планировали сделать одну докторскую диссертацию на двоих. Все его аспиранты оказались подвешенными. И я пошел на отчаянный шаг – стал проситься у упомянутого профессора, чтобы он принял меня в аспирантуру. Мне всегда казалось, что имею склонность к философии – кандидатский минимум, я сдал именно этому профессору на отлично. Пиши реферат – сказал он. Месяц спустя, прочитав мой реферат, отметил четкость, и ясность изложения мысли и согласился взять меня к себе. Но перевод из технической аспирантуры в гуманитарную – дело хлопотное и нужно время для разрешения этой ситуации. Договорились о повторной встрече через месяц. Когда я пришел, профессор был в шоке и сказал, что сейчас ему не до меня, он сам влип – ему самому надо спасти свою репутацию. К счастью, у моего научного руководителя с переездом ничего не получилось – им ВАК не разрешил делать одну диссертацию на двоих, и я остался в технической аспирантуре. Когда я услышал об описываемом инциденте и связал все во времени, то понял, что отказом мне послужили как раз описанные выше фосмажорные обстоятельства, в которые попал тогда профессор. От знакомой, которая училась в том институте, узнал много шокирующего из жизни этой незаурядной личности. В то время поездки на уборку картофеля были регулярными. Профессор, хоть и занимал высокий пост в институте, по возможности не пропускал ни одной такой поездки. В непринужденной обстановке, во время отдыха можно было, не привлекая особого внимания, войти в контакт с той или другой студенткой. И решили студентки проучить его. Взяли с собой палатку, установили ее и во время отдыха залезли в нее. Профессор тут же нырнул вслед за ними. Девчонки выскочили с другой стороны, обрушили палатку и начали кулаками и ногами колотить любителя острых ощущений, наставив ему множество ушибов и синяков. Назавтра, встречая своих “мстителей” в коридорах вуза, с фонарем под глазом, он мило им улыбался и никогда, никому из них не мстил. Как философу, ему достаточно было первичных ощущений, и дальше прикосновений и ошупываний дело никогда не шло...

Девяностые годы

Доценту Анисимову, коммунисту до двадцатипятилетнего стажа не хватило двадцати дней. Грешил он на Бориса Николаевича, не вовремя распустившего компартию России. И эта тема стала болезненной для него и постоянной в разговоре со своими коллегами. Он не скрывал своей обиды. Партийный билет, конечно, хранил. Надеялся на восстановление статус-кво, мол, скоро мы возьмем реванш, и тогда всем новоиспеченным “дерьмократам” не поздоровится. Воистину миром правят идеи... Но только ли? Вспоминаю, что в то время на факультете партийная ячейка состояла из трех сотрудников и нескольких студентов – так сказать “гордость и совесть нашей эпохи”. Нас беспартийных они постоянно “доставали” своими собраниями, куда нас под любым предлогом загоняли вместо балласта, естественно. Тягомотина с обсуждением партийных документов, принятием соответствующих решений никого ни к чему не обязывающих. Такое повторялось с завидной регулярностью, по крайней мере, раз в месяц. На следующем собрании та же самая толчея. И насколько же эта работа была формальной, до отупения, ни кому не нужной, и в первую очередь рядовым коммунистам, а про беспартийных и говорить нечего. Но бывало и так – на повестке собрания появлялись так называемые закрытые вопросы. И секретарь партячейки нам беспартийным без обиняков и с чувством глубокого удовлетворения, оскорбительно предлагал покинуть собрание. Секретничали одни. Кто-то из нас поинтересовался у студента-коммуниста – что это за секреты. В данном конкретном случае оказалось, что один студент попал в медвытрезвитель и факт этот скрывался от широкой общественности. Я уж не говорю о демонстрациях, куда нас загоняли по случаю знаковых советских праздников. Как-то работу партячейки нашего факультета заслушали на партийном собрании института. Секретарь партячейки отчитался. Работа, собрания проводятся регулярно. Выступил проверяющий – зам секретаря парткома. Ошеломляющая критика, но какая? Мол, о какой работе можно говорить, если за последние три месяца не оформлено ни одного протокола партсобраний, а ведь, мол, это в работе главное. А раз этого нет, то и вся работа насмарку. Проверяющий вконец разошелся – его лицо стало пунцово-красным. Вывод – нет бумажек, нет работы. А вот были бы вовремя оформлены соответствующие бумажки (ну это для проверяющих) – сама работа никого и не интересует вовсе, да ее и не могло быть. И все мы беспартийные с облегчением вздохнули, когда правящая, безальтернативная коммунистическая партия в России была распущена, вся эта надстройка, это наваждение, наконец-то рухнули. Уж за одно это спасибо Борису Николаевичу. “Идейные” же партийные тяжело переживали эту ситуацию. Они готовы были взяться за оружие, чтобы вернуть прежнюю жизнь – дозволенной возможностью измываться над беспартийными. Да ведь и льготы в их жизни играли не последнюю роль. Правда, братья за оружие им не пришлось. Самые “идейные” быстро сориентировались и ушли в коммерцию. Бытует мнение, что в этом виноваты Горбачев с Ельциным – как раз все наоборот. Спасибо нашим тогдашним руководителям государства, что эта гнилая партийная надстройка именно всегда и бывшая таковой, наконец-то определилась, а известные реформы Российского государства, лишь обнажили их подлинную суть – они никогда для народа и не жили, а всегда заботились лишь о собственном кармане и благополучии своих родственников. Рядовые же коммунисты роспуск партии спокойно перенесли – они ведь, как и мы, беспартийные были тоже балластом. Тяжелый крест свалился с наших душ и мы, наконец, обрели внутреннюю свободу. Надеюсь, что этот деспотический режим в России, это мозгопротираловка, скотская жизнь россиян – это уже бесспорно невозвратное прошлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.